

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА

В творчестве Астафьева последних лет весьма существенной становится религиозная составляющая его произведений. При этом обращает на себя внимание не только то важное место, которое занимает христианская вера в его военной прозе, но и принципиальная перемена отношения писателя к вере. Если в произведениях 60-70-х годов Астафьев ироничен или весьма критичен по отношению к религии, то теперь вера становится одним из главных критериев отношения автора к изображаемому миру и его героям.

Одним из главных героев и нравственным идеалом в романе «Прокляты и убиты» становится старообрядец Коля Рындин. Словами его бабушки, вынесенными в заглавие – «прокляты и убиты», выражается основной смысл романа – Божий гнев и наказание за творящееся на земле. Но известно резко негативное отношение автора к староверам в ранних произведениях: «Стародубе» и «Царь-рыбе». С чем связана такая эволюция в художественном мире Астафьева? Можно было бы объяснить это недостатком художественной свободы в советский период, но к Астафьеву это отношение вряд ли имеет, он во все периоды своего творчества был предельно искренним. Представляется, что попытки обосновать некоторыми исследователями элементы религиозного сознания в позднем творчестве Астафьева несут в себе черты определённой заданности. Это может быть хоть и искреннее, но отчасти тенденциозное желание доказать приход писателя к вере. Так, к примеру, В. Непомнящий, в соответствии со своей концепцией, пытается обосновать духовную и творческую эволюцию Пушкина от «Гаврилиады» к каменноостровскому циклу как движение от вольнодумства к вере. В частности, в своём анализе В. Непомнящий утверждает в «Пире во время чумы» тезис священника, дискредитирует антитезис Вальсингама и исключает, таким образом, всеобъемлющий пушкинский синтез. Но можно отметить уже и определённую тенденцию в русле нового курса на самодержавие, православие и народность, когда не осеняя себя крестным знамением становится не политкорректно. И большой писатель Астафьев не мог не прийти к вере, если к ней уже пришло всё политическое руководство.

В ранней повести Астафьева «Перевал» впервые появляются религиозные мотивы. Один из героев повести - сплавщик по прозвищу Исусик. «Есть у бабушки икона, на которой изображён какой-то святой, - ровно с этого срисован. Бледное узкое личико, острый нос, тоненькие бескровные губы с горестными складками в углах рта и голубенькими глазками. Только на иконе глаза большие, невинные, а у этого маленькие, глубоко провалившиеся и какие-то подозрительные» [1, С.45]. Исусик – единственный отрицательный персонаж среди сплавщиков, только он старается как-нибудь обидеть мальчика Ильку Верстакова. Отношение Исусика к религии не совсем понятно. То он ругает попов: «Выходит, толстоляхие попы тоже крестьяне, раз они по деревням живут?» [1. С.52], то возмущается, что Ильку хотят записать в пролетарии: «Парень небось хрещёный, а вы его басурманским званием заклеили» [Там же]. Отношения его с верой автор характеризует так: «Не прикасался к Божьим писаниям и Исусик, а только слышал разные обрывки и отдельные изречения из десятых уст. Но он отстаивал все эти истёртые холщовым мужицким языком пророчества с ярым

* © Д.А. Субботкин, Красноярский государственный университет, 2006.

упорством» [1. С.58]. Должна выглядеть комичной в повести и собачка по кличке Архимандрит. Общее отношение автора к вере в повести «Перевал» достаточно иронично.

Автобиографичность повести «Перевал» находит своё продолжение в повести «Последний поклон». Отношение к христианской вере продолжает оставаться, в основном, ироничным. Искренне верующим человеком является бабушка главного героя Катерина Петровна. Автор смотрит на веру бабушки как на причуду любимого человека. Не верит в Бога и дядя Филипп – судовой механик. «Забывшись, он сидел иной раз в картузе под божницей, и бабушка очень переживала. Но после отъезда всё же молилась, шептала святой деве: «Ну и что, что Филипп – человек от веры отрешённый? Работа у него ответственная, времени для Бога не выкраивается, вот почему простить бы его надо». Должно быть, Святая Дева была женщина сговорчивая, потому что до следующего приезда дяди Филиппа бабушка больше не напоминала ей о картузе, обращалась по разным другим вопросам, и мне иногда казалось, что дева эта, засиженная мухами, как-нибудь рассердится, скривит тонкие губы. «И до чего ты докучливая старуха! – скажет. – Одолела, допекла, нечистый дух!» [2. С.327].

Если для бабушки это Святая Дева, то для героя – просто женщина или дева, засиженная мухами, раздражительная и грубоватая. Но и для бабушки святая дева – человек близкий и родной, который может войти в положение и которого можно уговорить. Даже во время самой проникновенной молитвы бабушка не отвлекается от домашних дел, следя за порядком. «Да не погубим мы, да избавимся от бед, ты бо еси спасение... Ш-а-арик, падина такая! Я вот тебе! – забрехала бабушка в раму. Продолжая молиться, она торопливо бормотала, часто в замешательстве крестилась: – Сбил ведь, сбил, нечистый дух!... – При этом она одним глазом смотрела слёзно на Мати Божию, другим сурово следила за Шариком, который полз...к цыпущкам» [2. С.122]. В образе бабушки воплощены черты народного христианства, которые, зачастую, далеки от каноничности.

Но отдельные элементы религиозности ещё не свидетельствуют о перемене мировоззрения Астафьева. С.Булгаков в «Вехах» отмечает черты религиозности в облике атеистически настроенной русской интеллигенции начала XX века – её антибуржуазность, отвращение к мещанскому укладу, «царству от мира сего» (постоянной чертой отрицательного мужского персонажа у Астафьева становится аккуратность, то есть особое внимание к «миру сему»), пуританизм и аскетизм [4. С. 48]. Обращает на себя внимание отсутствие эротики в произведениях Астафьева: он или избегает говорить на эту тему, или же использует эвфемизмы (сочинили или сочинили ребёночка), или же говорит об этой сфере жизни в очень грубой форме, как бы стесняясь или не желая говорить об этом. И в то же время у Астафьева есть поразительное по тонкости и точности изображение психологического состояния деревенских девчонок в финале главы «Гори, гори ясно» «Последнего поклона»: грани между своим миром детства и чужим, страшным и манящим миром взрослой жизни – одно из лучших мест в русской прозе вообще. Но возможна и иная составляющая асексуальности его произведений. Известно, что Астафьев воспитывался бабушкой. А. Эткинд с точки зрения психоанализа рассматривает роль бабушки и няни в русской культуре: «Старчески бесполой, она лишена как эротической привлекательности матери, так и отцовского либидо, стимулирующего рост и вызывающего к соревнованию. Она может дать ребёнку одно, но это она делает надёжно и эффективно: приобщение его к ценностям традиционной крестьянской культуры... Бабушка – символ политической апатии России, сущность её неподвижности, причина детской доверчивости её народа» [5. С.112 – 113]. Бескомпромиссный традиционализм Астафьева вытекает, по-видимому, и из этого.

Но почему Астафьев так резко негативен по отношению к староверам в ранней повести «Стародуб»? С самого начала повести он формирует у читателя именно такое отношение: «Приходили сюда люди крадучись... вкапывались глубже, отгораживались высокими крепкими заплатами» [1. С.111], «суеверие да «древлеотческие устои» не знают жалости»; «отродые трусливое и злое»; «выродились в них мужество, сметка и выносливость – осталась удушливая, как сажа, вера, чёрная злоба да трусость. Боялись всего: тайги, в особенности пожаров таёжных... Но больше всего боялись гнева Господнего...» [Там же. С.130]. Старообрядцы не приходят на помощь гибнущим на реке людям, хотя обречь на гибель единственного выжившего – мальчика Култыша, в засуху убивают пришедшего к ним за помощью старика-киргиза.

Исследователь П. Гончаров в своей работе задаёт вопрос и высказывает предположение о причинах негативного отношения Астафьева к вере в повести «Стародуб»: «Возникает недоумённый вопрос: чем вызвана такая наметившаяся уже в «Стародубе» устойчивая авторская неприязнь и к «удушливой вере», и к стяжательству? Есть основания предположить, что писателя отталкивает прежде всего ложная вера, допускающая в жизнь её «поборников» и злобу, и стяжание. Тогда «Стародуб» из произведения, где автор «запечатлел» «страшный лик старообрядчества», переходит в ряд произведений, одним из основных мотивов которого оказывается поиск истинной веры» [6. С.96]. И далее П. Гончаров пишет: «Христианская основа многих произведений В.Астафьева последних лет его творчества очевидна, но путь писателя к христианскому восприятию мира был труден и извилист. «Стародуб» – одна из отправных начальных точек на этом пути» [Там же. С.98-99].

Утверждение исследователя, что Астафьев говорит о «ложной вере», что вырубчане «изолгались в вере» [Там же. С. 92], сохранили «лишь внешние атрибуты веры» [Там же. С. 97], представляется не совсем убе-

дительным. Астафьев нигде не говорит о ложной вере или искажении веры, он говорит об «душливой, как сажа, вере» и о страхе гнева Господнего. Вера вырубчан истинная, но неприемлемая для автора. Философ К. Леонтьев, споря с Достоевским, писал: «Христос пророчествовал не гармонию всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение. ... пророчество всеобщего примирения людей во Христе не есть православное пророчество, а какое-то, чуть-чуть не еретическое. Церковь этого мира не обещает...» [7. С. 14]. И далее К. Леонтьев отмечает: «Начало премудрости (т.е. настоящей веры) есть страх...» [Там же].

Главное основание истинной веры – страх перед Богом – есть у жителей Вырубов. Но страха перед Богом нет у Астафьева. И трудно утверждать, появился ли этот страх в последние годы его жизни, как и спокойное отношение верующего человека к дисгармонии земной жизни в ожидании Страшного Суда. К. Леонтьев пишет: «Чистый разум или наука, в дальнейшем развитии своём, вероятно, скоро откажется от той утилитарной и оптимистической тенденциозности, которая сквозит между строчками у большинства современных учёных, и, оставив это утешительное ребячество, обратится к тому суровому и печальному пессимизму, к тому мужественному примирению с несправимостью земной жизни, которое говорит: «Терпите! Всем – лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли – вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего – не ждите» [Там же. С.17-18].

Но в последние годы Астафьев над верой уже не иронизирует и не осуждает фанатичную веру старообрядцев. Если раньше Астафьев объяснял формирование характера положительного героя советской школой, учителями и книгами (Олег Глазов в «Сашке Лебедеве», Борис Костяев в «Пастухе и Пастушке»), то теперь он ищет иные основы, а к прежним становится очень критичен. В «Проклятых и убитых» он пишет: «Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина. За короткое время в селекции были достигнуты невиданные результаты, узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника...» [3. С. 149]. Новой основой Астафьев теперь выдвигает веру и формулирует новую идеологему значения и действенной роли веры в жизни людей. Но как это происходит и в иных случаях формулирования им идеологем, желаемому придаётся смысл действительного. Пасует перед несокрушимой верой Коли Рындина политработник Мельников, хотя вероятность этого в реальной жизни была мала, Рындин становится нравственным авторитетом для всех солдат, не прилагая к этому особых усилий. Астафьеву хочется, чтобы так было.

В отличие от предыдущих героев-идеалистов Олега Глазова и Бориса Костяева, идеализм которых опирался на абстрактную мораль и культуру, богатырь Коля Рындин становится в романе «Прокляты и убиты» фактически единственным носителем христианского сознания и морали в безбожной стране. В отличие от большинства персонажей романа, не знающих своих корней, порвавших с ними или отрекшихся от них, Коля Рындин, являясь наследником старообрядчества, не отрекается от него, как не только не отрекались от веры и его предки в угоду сиюминутной политической конъюнктуре но и на протяжении трёх веков шли за веру на костёр. Опорой его богатырства является вера и заветы предков: то, чего лишены его современники. В образе Коли Рындина Астафьев радикально меняет свою резко негативную оценку старообрядчества, присутствующую в повести «Стародуб» и в повествовании в рассказах «Царь-рыба». Очевидно, что теперь для автора становится более существенной приверженность староверов традиционным устоям, своему миру, чем осуждавшийся прежде их изоляционизм и особенности веры.

Как и надлежит былинному богатырю, «дома, в Верхнем Кужебаре, Коля Рындин утром съедал каравай хлеба, чугунок картошки или горшок каши с маслом, запивал всё это кринкой молока. За обедом он опоражнивал горшок щей, сковородку драчёны на сметане или картошки с мясом, либо жаровню с рыбой и на верхосятку уворачивал чугунок парёнок из брюквы, свёклы и моркови, запивал всё это крепкое питанье ковшом хлебного кваса либо простоквашей. На ужин и вовсе была пища обильной...» [3. С.35-36]. В запасном полку Коля от постоянного голода начинает постепенно угасать и, как доходяги, «опустился бы до очисток...но тут вышло решение: бойцам, что ростом под два метра и выше, давать дополнительно по супу и по каше. Коля Рындин стеснялся привилегий, пробовал делиться с товарищами подпайком...» [3. С.125].

В отличие от многих героев романа, Коля Рындин не является активно действующим персонажем, редко оказывается в центре внимания, а больше прячется в тени, молча выполняя свою работу. Когда ему, как и Булдакову, не выдают обмундирования нужного размера, он не выражает свой протест, подобно Булдакову, а смиренно переносит тяготы и лишения солдатской службы. Он лечит травмами, привезёнными из дома, заболевших сослуживцев и храпит на политзанятиях, а на вопрос, почему спит, отвечает: «Не знаю. – Коля Рындин подумал и пояснил: - Я завсегда, коль не занят работой, сплю» [3. С.24]. Рындин и Булдаков неординарны не только внутренне, но и внешне: «... на занятия не выводили по причине некомплектности – чтобы не торчали они чучелом над войском, не портили ротной песни, блажа что попало, потому что старообрядец ни одной мирской, тем более строевой песни не знал, вставляя в такт шага свои слова: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...». Эту пару заставляли таскать воду в ротный бачок, мыть пол... Булдаков от работы уклонялся, бессовестно эксплуатировал Колю Рындина. Коля же работал добросовестно...» [3. С.35].

Коле хочется как-то помочь всем своим товарищам. Он пытается утешить товарища, потерявшего на войне отца: «Да чего же скажешь-то, как утетишь и утишишь горе, коли его так много кругом. Пусть Главный Утешитель этим займётся, он Его попросит: «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его...» – на этом месте Коля Рындин глубоко и умиротворённо уснул, совершенно уверенный, что Бог услышал его и успокоит горе русского человека Васи Шевелёва. Но тот всё плакал и плакал, один, втихомолку, никому не досаждая и не жалуясь» [3. С.53].

Главное же, что видят в Коле его товарищи, – это его непоколебимую веру и нравственную опору, которой многие лишены. «Вон Колю Рындина как ломали! Всей политической и сексотной кодлой, мракобесием его веру называли, сулились в бараний рог согнуть старообрядца из далёких Кужебар, а он как молился, так и молится... Он и есть несгибаемый человек. Гнётся он только перед Богом в молитве» [3. С.77]. И его товарищи понимают, что всё то, чему учили их партийные идеологи, это не вера и не несгибаемость. «...учили в школе, да и везде и всюду, особо по переселенческим баракам, арестантским поселениям, – быть несгибаемым, не поддаваться враждебным веяньям, не пасовать перед трудностями, жить союзом и союзно с коммунистами. Вот и живут союзно, кто кого сомнёт, кто у кого кусок упрёт или изо рта выдернет, тот, стало быть, и сильный, тот и в голове союза. А старообрядец Коля Рындин – молодец, не пасует перед трудностями, хер положил он на все увещевания и угрозы агитаторов – ублюдков» [Там же].

Даже политработник капитан Мельников чувствует эту силу веры Рындина, которую неспособна преодолеть никакая самая передовая идеология. Он убеждает Колю в индивидуальных беседах, «...что все эти молитвы, обращённые к Богу, есть кликушество и мракобесие, что только научный коммунизм и вера во всемогущество товарища Сталина могут спасти страну и народ» [3. С. 107]. Но замполит упирается в несокрушимую стену и понимает, что «всего его марксистского образования, атеистического лепету, всей силы не хватит переубедить одного красноармейца Рындина, не может он повернуть его лицом к коммунистическим идеалам» [3. С.108]. Потерпев поражение в споре с Рындиным, он теряет свой большевистский запал. «Капитан Мельников удручённо молчал, щёлкая пальцами, перебирал руками шапку и утратившим большевистскую страсть, угасшим голосом увещевал: «Ещё раз прошу: вы хоть среди бойцов не распространяйтесь. Вас ведь могу привлечь за антипартийную пропаганду к ответственности» [3. С.109].

В беседе с капитаном Мельниковым Коля Рындин вспоминает о стихире, о которой ему рассказывала его бабушка: «И на одной стихире, баушка Секлетинья сказывала, писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [Там же]. Слова бабушки Коли Рындина становятся заглавием романа. Эти же слова Коля говорит после расстрела братьев Снегирёвых: «В геенну!.. Прокляты и убиты... Прокляты и убиты!» [3. С.206], вынося приговор Божьего суда убийцам.

После очередного ранения «Колю Рындина на берег пёрло целое отделение на прогибающихся жердях» [3. С.487]. Одним из тех, кто несёт Колю Рындина, оказывается ещё один богатырь – Ашот Васконян, спасающий своего друга, как прежде спас Колю Булдаков. Последним тащит Колю после переправы через реку Лёшка Шестаков. В санитарной машине, до которой всё-таки добираются Лёшка с Колей, Рындина, что символично, принимают за важную персону. «По тяжести и объёмности фигуры раненый тянул на генерала, сопроводилки же и личных бумаг с ним не оказалось. Выпали, видать, из гимнастёрки солдата бумаги, когда пытались пробиться к медицинскому раю» [3. С.491]. И он действительно очень важная персона, о чём бумаги сказать не могут. Очевидна символичность спасения Рындина как нравственного эталона всем народом, всеми главными героями романа.

Коля Рындин – центральный герой романа. Он главный из трёх богатырей богатырской заставы, вставшей на пути врага. Если Лёха Булдаков является символом удалого русского духа, мощи, отваги и веселья русского народа, Ашот Васконян воплощает в себе русскую интеллигенцию, светскую культуру гуманизма и просвещения в России, то Коля Рындин – это та нравственная христианская опора, без которой русский мир, по мысли автора, стоять не может. Рухнет всё, если не будет Коли Рындина. И все люди, в которых ещё осталась какая-то совесть, от политрука Мельникова до последнего солдата, понимают это. Даже кухонный персонал в запасном полку, обманывающий всех, относится к Коле по-иному: «Видя, что он не шакалит, не рвёт, не шаромыжничает, лишь шепчет молитвы да крестится украдкой, кухонный персонал проникался к этому богобоязненному чудаку всё большим доверием и расположением...» [3. С.126]. Даже агитатор и пропагандист капитан Мельников отступает от Рындина, видя непреклонность его веры, но не пытается его уничтожить как идеологического врага, а лишь просит не склонять в свою веру других, заботясь, опять же, о безопасности Рындина. Лёха Булдаков просит Щуся позаботиться о Рындине: «Колю Рындина возьми сюда. Его надо беречь. Таких великих, порядочных людей на развод надо оставлять» [3. С.52]. Дальнейшая судьба Коли Рындина, нравственной опоры русского мира, после ранения остаётся неизвестной, что также символично.

Астафьев жаждет гармонии в этом мире. Но у него есть страх перед чужим миром, жажда восстановления и ощущение невозможности восстановления всеобщей гармонии утраченного своего мира. Для христианина подлинная жизнь не здесь, не в этом мире, где и не должно быть гармонии. Астафьев же не приемлет этого мира, мира чужого, жестокого и злого, мира без любви. И, как русские мальчики Достоевского, как Иван Карамазов, не прощающий слезинки ребёнка, он не может простить в «Краже» смерти ребёнка, не мо-

жет простить всего, что происходит. И если прежде он карал своей властью отдельных отрицательных персонажей: браконьеров и Гогу Герцева в «Царь-рыбе», Ронжу, фельдшеришку и женщину в кимоно в «Последнем поклоне», преступников в «Печальном детективе», то теперь он должен покарать этот мир.

Лейтмотивом произведений Астафьева последних лет становится богооставленность. Многие его герои в трудную минуту обращаются к Богу и не получают ответа, упрекая себя, что до этой трудной минуты не верили в него. Но для оценки всего мира личного авторитета уже недостаточно, необходим высший, сверхличный авторитет. И Астафьев приговаривает этот чужой, жестокий мир к высшей мере наказания – богооставленности: «Нету Бога. Или не слышит Он нас. Отвернулся. Был бы Бог, разве допустил бы такое?» [З. С. 209], «Зачем Ты отворотил Лик Свой и оставил сатане на растерзание?» [З. С. 381]. И в этом особая трагичность последних произведений Астафьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. / В.П. Астафьев. - Красноярск, 1997. - Т. 2.
2. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. / В.П. Астафьев. - Красноярск, 1997. - Т. 4.
3. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. / В.П. Астафьев. - Красноярск, 1997. - Т. 10.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи: Интеллигенция в России. - М., 1991.
5. Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России / А.М. Эткинд. - СПб., 1993.
6. Гончаров П.А. Между «таёжным законом» и «истинной верой»: «естественный человек» в повести В. Астафьева «Стародуб» / П.А. Гончаров // «Природный человек» в русской прозе XX века. - Тамбов, 2005.
7. Леонтьев К.Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике / К.Н. Леонтьев // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли. - М., 1990.